

Автор статьи рассматривает сигналы интертекста в стихотворениях А. Ахматовой, выделяя среди них не только лексические совпадения, но также ритмические и интонационные переключки с текстом-донором. Правомерность интерпретации таких переключек как литературных цитат обусловлена семантической мотивированностью интонационно-ритмических заимствований.

Ключевые слова: поэтика Ахматовой; интертекстуальные связи; интонационно-ритмические заимствования.

Интертекстуальность лирики А. Ахматовой, замеченная читателями уже в самых первых поэтических сборниках, неоднократно становилась предметом горячих дискуссий. Почитатели творчества поэтессы и благосклонные критики видели в Ахматовой поэта «с родословной», продолжающего традицию отечественной и мировой поэтической культуры (см., например: [Жирмунский 1973: 52]), а недоброжелатели нередко интерпретировали обнаруженные цитаты как свидетельство слабого дарования, даже эпигонства. Исследования интертекста у Ахматовой составили к сегодняшнему дню целое научное направление, специалисты квалифицируют интертекстуальность как доминанту поэтического своеобразия ахматовской манеры [Кирпичева 2009]. В то же время известно, как непросто относилась сама Анна Андреевна к проблеме литературных заимствований, подчеркивая всякий раз ненамеренность обнаруженных в ее текстах цитат из произведений Пушкина, Блока, Достоевского, Мандельштама, Шекспира и других авторов (см. об этом: [Темненко 2014: 393–419]). Поверим поэту и сошлемся на мнение одного из наиболее авторитетных исследователей ахматовских реминисценций: «по-видимому, существует как бы промежуточный вид использования чужого слова, когда воспроизведение каких-то читанных стихов до известной степени случайно, сознательной отсылкой к иному тексту не является, но некоторым моментам глубинной

структуры новосозданного стихотворения все же отвечает» [Тименчик 1989: 33]. Подобные примеры литературного цитирования особенно интересны для исследователя¹, так как составляют одну из самых волнующих загадок текста, требуют не только обнаружения формальных соответствий, но и умения соотнести смыслы текста-донора с идейно-эстетическим содержанием заимствующего текста, т.е. побуждают использовать разнообразный инструментарий филологического анализа, тщательного изучения текста «под лингвистическим микроскопом» (Н.М. Шанский).

Целый ряд интертекстуальных переключек в стихотворениях Ахматовой представляет собой воспроизведение интонационно-ритмической структуры текста и, видимо, связан с неоднократно отмеченным исследователями поэтическим слухом Ахматовой. Так, Б. Кац замечал: «В лирике Ахматовой это свойство предстает необходимым поэту не только затем, чтобы уловить голос Музы (порою, по ахматовской характеристике, “еле слышный”), но и затем, чтобы внимать звуковым явлениям самого разного происхождения. Среди них могут быть стихийное звукотворчество природы или хаос звучаний, порождаемых орудиями повседневного человеческого бытия, безотчетные звукоизъявления людских эмоций или нагруженный смыслом поток

Шумарина Марина Робертовна, доктор филол. наук, зав. кафедрой рус. яз. и литер. БИ СГУ. E-mail: mshumarina@yandex.ru

¹ Следует отметить, что обсуждаемый вопрос имеет определенные дидактические перспективы. Так, разработанный на материале данной статьи урок-исследование вызвал интерес у старшеклассников и побудил к выполнению творческого проекта «“Знакомые голоса” в поэзии А.А. Ахматовой».

звуков речи, звучащее поэтического преобразование этой речи или же художественно организованное звучание высшей степени сложности – искусство звука, музыка» [Кац, Тименчик 1989: 78].

Подобно тому как с музыкальным слухом связана музыкальная память, со слухом поэтическим у Ахматовой связано наличие особой ритмо-мелодической памяти. Есть основания полагать, что некоторые темы, мотивы в сознании поэта ассоциировались с теми или иными интонационно-ритмическими ходами, фрагментами. Наблюдения показывают, что в стихотворениях Ахматовой, демонстрирующих «музыкальные» параллели (имеется в виду музыка, мелодия стиха), выявляются и параллели семантические, тематические. Обратимся к стихотворению А. Ахматовой «Когда в тоске самоубийства...»² [Ахматова 1918]:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,
Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее,
Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Основные микротемы этого стихотворения таковы: а) описание «исторической обстановки», в котором доминируют мо-

² Данное стихотворение стало хрестоматийным, но в более поздней редакции, начинающейся словами *Мне голос был. Он звал утешно...* В сборнике «Подорожник» (1921) это произведение было напечатано без первых восьми строк, но с новой концовкой, и это позволило в дальнейшем трактовать стихотворение как поэтический ответ Ахматовой белоэмигрантам, хотя первоначально «сюжетной» основой для него стал призыв друга к Ахматовой покинуть Россию, которая вступила во Вторую мировую войну. Первый вариант более наглядно иллюстрирует те интертекстуальные переключки, о которых говорится в данной статье.

тивы горечи, отчаяния; б) «искушение», сопровождающееся в) негативным изображением-оценкой «края глухого и грешного» с его «кровью», «стыдом», «болью» и г) обещанием новой жизни с «новым именем», спокойной совестью, чистыми руками.

Трудно не заметить, как эти микротемы «рифмуются» с темой искушения в лермонтовском «Демоне»:

...Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить. <...>
...Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей...
...О нет, прекрасное созданье,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.

В тексте Ахматовой тему дьявольского искушения начинают строки: *И дух суровый византийства / От русской церкви отлетал*. «Дух византийства» – как дух исконного Православия – покидает грешную столицу. А тема полета (*дух отлетал*) отсылает к начальным строкам «Демона»: *Печальный Демон, дух изгнанья, / Летал над грешною землей...* Демон – символ искушения, испытания, гибели – является там, где забыли Бога. И лермонтовский Демон, который в первоначальном варианте поэмы *блуждал под сводом голубым...*, в окончательной редакции летает *над грешною землей*, с этим образом перекликается ахматовский образ столицы-блудницы. Тематические параллели становятся особенно очевидными благодаря почти абсолютному ритмико-интонационному совпадению стихотворения Ахматовой с приведенным отрывком из «Демона».

Стихотворение «Когда в тоске самоубийства...» посвящено Борису Анрепу (*голос*, который звал лирическую героиню, имел прообразом реальный голос — Анрепа, приглашавшего Ахматову уехать в Англию). Интересно, что мотив демона появляется и в других посвященных ему стихотворениях: «Когда в мрачнейшей из столиц...», «Не с теми я, кто бросил землю...». В обоих стихотворениях ритмо-мелодический рисунок сходен с рисунком первого стихотворения — Ахматова словно продолжает год за годом один и тот же нескончаемый спор о верности и искусении³.

Известны примеры, когда ритмо-мелодическое сходство стихотворений Ахматовой с другими известными поэтическими текстами бывало замечено читателями и слушателями. Так, А. Кушнер писал: «Что касается библейских стихов, то признаюсь, я и сегодня недолюбливаю их.

Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.

Они и сегодня мне кажутся похожими на «Песнь о вещем Олеге» [Кушнер 1989: 111]. По свидетельству В.Я. Виленкина, ахматовская «Мелхола» не нравилась К.И. Чуковскому, напоминая ему стихотворение А.К. Толстого «Василий Шибанов», что вызывало у Ахматовой несогласие: «Мало ли что кому напоминает...» [Виленкин 1987: 118]. Есть ли основания считать эти ритмические переключки значимыми? Обращает на себя внимание тот факт, что и «Рахиль», на которую ссылается Кушнер, и «Мелхола» имеют сходный ритмический рисунок. Негативная оценка, данная сразу двумя литераторами, основана на том, что этот же рисунок характерен для двух стихотворений других авторов. Однако у «Песни о вещем Оле-

³ Стихотворение «Не прислал ли лебедя за мною...» (1936) имеет иную ритмическую организацию, но здесь снова возникает знакомый мотив — путь к счастью и покою из страны мрака и смерти: *Он в шестнадцатом году весной / Говорил, что птицей прилечу / Через мрак и смерть к его покою, / Прикоснусь крылом к его плечу...*

ге» и у «Василия Шибанова» есть нечто общее — это баллады, рассказывающие о событиях древней истории (то ли правда, то ли художественный вымысел). Ветхозаветные сюжеты о Рахили и Мелхоло для Ахматовой тоже древняя история, которая подлежит художественному осмыслению, а рассказ о ней вполне заслуживает балладного слога.

«Музыкальные» переключки у Ахматовой регулярно сопровождаются переключкой рифм. А. Найман приводит такой пример дантовской реминисценции в стихотворении «Ты стихи мои требуешь прямо...». В тексте Данте:

Men che dramma
Di sangue m'e rimasto che non tremi:
Conosco I segni dell' antica fiamma!

(Меньше чем на драхму осталось во мне крови, которая бы не трепетала: узнаю знаки древнего пламени!). У Ахматовой:

Ты стихи мои требуешь прямо...
Проживешь как-нибудь и без них,
Пусть в крови не осталось и грамма,
Не впитавшего горечи их.

А. Найман подчеркивает, что цитату здесь выдает именно рифма: *dramma — fiamma* и *прямо — грамма* [Найман 1989: 30].

В книге А. Наймана содержится еще один пример, показывающий, что литературные заимствования могли происходить опосредованно. Так, в стихотворение «Не с теми я, кто бросил землю...» дантовский *хлеб чужой* введен Ахматовой в стихи не непосредственно, а через элегию К. Батюшкова «Умиравший Тасс» [Там же: 34]. Вот как звучит этот мотив у Батюшкова:

Младенцем был уже изгнанник;
Под небом сладостным Италии моей
Скитаясь, как бедный странник,
Каких не испытал превратностей судеб?
Где мой челнок волнами не носился?
Где успокоился? Где мой насыщенный хлеб
Слезами скорби не кропился?

А так горький хлеб чужбины возникает в ахматовском тексте:

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

О цитате сигнализируют мотивы изгнанничества, «чужого хлеба», повтор рифменной пары *изгнанник – странник*, однако ритмический контур ахматовского стихотворения совпадает с ритмикой «Тасса» лишь в начальной и в некоторых нечетных строках.

Рассмотрим еще один пример – заключительные строфы стихотворения Ахматовой «Какая есть. Желая вам другую...» (1942):

Седой венец достался мне недаром,
И щеки, опаленные пожаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыне,
Как той, другой – страдалнице Марине, –
Придется мне напиться пустотой.
И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица...
Но мне недолго мучиться загадкой –
Чья там рука под белую перчаткой
И кто прислал ночного пришлеца.

В стихотворении обращает на себя внимание рифма *недаром – пожаром*, которая прочно связана в читательском сознании со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Бородино». Как и в стихотворении «Ты стихи мои требуешь прямо...», Ахматова снова цитирует рифменную пару, которая воспринимается как устойчивый словесный комплекс.

Известно, что рифмующиеся слова устанавливают в тексте стихотворения семантические связи на основе ассоциаций. *Недаром* – значит, не просто так, не легко, с трудом, дорогой ценой. Не случайно здесь и слово *пожар*, обозначающее большое бедствие и потери. У Лермонтова эта связь выступает довольно отчетливо; есть она и в стихотворении Ахматовой: *щеки, опаленные пожаром*, – может быть, опаленные огнем ада (отсылка к Данте плюс ответ В. Брюсову на его *Как Данту подземное пламя / Должно тебе щеки обжечь*).

Впрочем, рифменная пара может указывать не на конкретное стихотворение, а на творчество Лермонтова в целом, открывая особый – лермонтовский – цитат-

ный слой. Фраза *Как той, другой – страдалнице Марине, – / Придется мне напиться пустотой* отсылает к известному *Как тот певец, неведомый, но милый / Добыча ревности глухой, / Воспетой им с такою чудной силой, / Сраженный, как и он, безжалостной рукой* (Лермонтов. Смерть поэта). А ритмо-мелодический рисунок строк *И ты придешь под черной епанчою, / С зеленоватой страшною свечою...* – к строке из того же стихотворения: *И он убит и взят могилой...*

Сходство приведенных фрагментов обусловлено не только похожестью ямбического ритма, но и теми семантико-интонационными признаками, которые демонстрирует текст. Сравнимые строки – кульминация трагизма в обоих стихотворениях – звучат с особым акцентом, скорбно и торжественно. Одновременно с интонационной параллелью налицо и параллель тематическая – сравнение гибели одного поэта с гибелью другого. Эта переключка таит в себе и более глубокое обобщение: трагичность судьбы предопределена уже выбором пути поэта. И снова галерея ахматовских зеркал, отражающихся одно в другом: как гибель Ленского на дуэли отразилась в гибели Пушкина, так гибель Марины Цветаевой может быть зеркалом другой трагической развязки – ведь «будущее бросает свою тень задолго перед тем, как войти» [Ахматова 1986: 192].

На основании рассмотренных примеров можно сделать вывод о том, что «чужое слово» в стихотворениях А. Ахматовой обнаруживается не только в виде лексических совпадений. Сигналом интертекста может служить повторение ритмического и интонационного рисунка текста-донора, нередко акцентированное заимствованием рифменной пары. Подобные примеры, видимо, можно отнести к явлениям, которые А. Жолковский назвал структурной цитацией, «когда переключаются такие аспекты стихотворений, как метр, ритм, интонация, рифмовка, поэзия грамматики» [Жолковский 2005]. При этом структурные совпадения могут ка-

заться случайными, но могут основываться на сформировавшейся в сознании поэта устойчивой ассоциативной связи ритмического контура стиха с определенной темой, мотивом, сюжетом.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова А.А. Амедео Модильяни // Ахматова А.А. Соч.: В 2 т. – М., 1986. – Т. 2. Проза. Переводы.

Ахматова А. «Когда в тоске самоубийства...» // Воля народа. – 1918. – 12 апреля.

Виленкин В.Я. В сто первом зеркале. – М., 1987.

Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. – Л., 1973.

Жолковский А. Структура и цитация (К интертекстуальной технике Ахматовой) [Электронный ресурс] // Жолковский А. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. – М.: РГГУ, 2005. – URL: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib74.htm>

Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка. – Л., 1989.

Кирпичева Е.В. Интертекстуальный аспект творчества Анны Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2009.

Кушнер А. У А. Ахматовой // Звезда. – 1989. – № 6.

Найман А.Г. Рассказы о Анне Ахматовой. – М., 1989.

Темненко Г.М. Поэзия Анны Ахматовой как литературно-художественная система: дис. ... д-ра филол. наук. – Симферополь, 2014.

Тименчик Р.Д. Чужое слово у Ахматовой // Русская речь. – 1989. – № 3. – С. 33–36.

(Окончание текста со с. 18.)

Карпова О.М. Шекспировская лексикография нового времени: возвращение глоссариев // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». Филология. – 2012. – Вып. 1. – С. 48–53.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Из наблюдений над поведением термина в поэзии Осипа Мандельштама // От значения к форме, от формы к значению: Сб. ст. в честь 80-летия чл.-корр. РАН Александра Владимировича Бондарко. – М., 2012. – С. 375–386.

Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. – М., 1990.

Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

Редкие слова в произведениях авторов XIX века: Словарь-справочник / Отв. ред. Р.П. Рогожникова. – М., 1997.

Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. – М., 2005.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1983. – Т. III.

Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова. – М., 2001–2015. – Т. I–VI.

Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. – М., 2006.

Шестакова Л.Л. Словари редких слов в современной русской лексикографии // Слово и словарь: Сб. науч. тр. – Гродно, 2013. – С. 109–112.